

Иван Байбаков

1941 — ТУМАН ВОЙНЫ

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Малой кровью на своей территории

Иван Байбаков

1941 – Туман войны

«Издательство АСТ»

2024

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Байбаков И. П.

1941 – Туман войны / И. П. Байбаков — «Издательство АСТ»,
2024 — (Малой кровью на своей территории)

ISBN 978-5-17-159649-1

Туман войны, или туман неизвестности... Уже почти два века военные многих стран мира используют этот термин для обозначения неполноты и недостоверности имеющихся данных о положении своих войск и войск противника на театре военных действий. Эта неполнота и недостоверность приводит к ошибкам в военном планировании, переброске войск и резервов, в конечном счете – к снижению эффективности боевых действий и даже проигрышу отдельных сражений. В значительной степени «туман войны» может преодолеваться (рассеиваться) при помощи хорошей разведки, качественной связи, высокой степени организации войск. В июне 1941 года германская армия, пользуясь своим превосходством, достигнутым за счет лучшей организации, более качественной связи и наличия боевого опыта, в приграничных сражениях устроила Красной армии непроницаемый «туман войны», громя ее боевые порядки, нарушая систему связи, внося хаос и сумятицу в управление войсками, организуя «котлы окружения». Наш современник Сергей Иванов, переместившись в параллельную реальность, в июнь 1941 года, использует свои военные знания и опыт, а также знания хода и событий Великой Отечественной войны в нашем времени.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-159649-1

© Байбаков И. П., 2024
© Издательство АСТ, 2024

Содержание

Небольшое вступление от автора	8
Пролог	9
Глава 1	17
Глава 2	23
Глава 3	29
Глава 4	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Иван Байбаков

Малой кровью, на своей территории: 1941 – Туман войны

Серия «Военная фантастика»
Выпуск 256

© Иван Байбаков, 2024

© ООО «Издательство АСТ», 2024

Небольшое вступление от автора

Предлагаемый роман о событиях Великой Отечественной войны не является ни документальным историческим исследованием, ни учебником по тактике ведения боевых действий, ни справочником по истории развития техники. Это просто попытка рассмотреть и описать события того времени в условиях внедрения некоторых элементов послезнания и прогрессорства. Надеюсь, роман будет интересен читателям, которые любят анализировать и оценивать исторические события с разных точек зрения и в условиях изменения некоторых базовых обстоятельств.

Тем же из вас, кто серьезно интересуется реальной историей во всем многообразии ее проявлений: историей реальной и альтернативной, историей развития цивилизации и общества, историей войн, военной тактики и стратегии, историей развития техники, вооружения, организации армий и т. д., могу порекомендовать обратиться к открытым ресурсам информационной сети Интернет, содержащим много интересной и полезной информации.

Произведение написано в жанре альтернативной истории и является полностью фантастическим. Все персонажи вымышленные, и любые совпадения с реально живущими или жившими людьми случайны.

Пролог «Я совестью и Родиной не торгую...»¹

Посвежело, душная от жары и влажности близкой реки летняя белорусская ночь постепенно сменилась серым, туманным маревом раннего рассвета. Легкий речной ветерок, шурша прибрежным камышом, принес с собой прохладную жизнерадостность, и воздух в небольшом смешанном хвойно-лиственном перелеске наполнился веселым птичьим гомоном – им, птичкам-то, что, им невдомек, что война...

Разбуженные утренней прохладой, зашевелились, завозились сонные, плохо выспавшиеся люди, захныкали не желавшие возвращаться из своих сладких снов дети, их измученные долгой и трудной дорогой матери потянулись к единственному, хорошо укрытому в земляной ямке дежурному костру, мучительно прикидывая, чем сейчас накормить – нет, уже не себя, хотя бы детей, и насколько еще вообще хватит хоть какой-нибудь еды. Сами женщины и несколько мужчин этой оборванной, истерзанной долгим пешим маршем по лесам и буреломам группы, общим количеством под три десятка человек, шли впроголодь уже второй день, пока еще хоть как-то заглушая резь протестующих желудков негустым рыбным варевом, потому что жалкие остатки всех остальных продуктов теперь шли только детям. Детям, которые вместе с женщинами, подростками и парой непризывных стариков примкнули по дороге к небольшой группе военных, шедших от границы вслед за отступающими в беспорядке и неразберихе советскими войсками.

Примкнули, а потом и еще насобирались как-то незаметно, по пути через маленькие – хутора и поселки в лесной белорусской глухомани, и теперь обреченно брели вместе с военными, уже не ожидая в ближайшем будущем для себя ничего хорошего... Война, будь она проклята!..

Не видел никакого повода для оптимизма и старший из военных в этой разномастной группе – пожилой, уже за шестьдесят, но еще крепкий, жилистый человек, переодетый в поношенную и измятую гражданскую одежду, как и все остальные здесь.

Сейчас мало кто узнал бы в нем известного аккуратиста, всегда опрятного и подтянутого генерал-лейтенанта инженерных войск РККА СССР Дмитрия Михайловича Карбышева. Разве только по дореволюционной офицерской выправке, да по скупым, отточенным движениям привычного к тренировкам и физическим нагрузкам тела профессионального военного – этого, даже в целях маскировки, было не спрятать.

Как только лагерь проснулся и зашевелился, он тоже поднялся, через силу, через боль затекших от усталости и неудобного сна мышц, но поднялся одним из первых, хотя мог бы еще немного и полежать – если ты командир, так соответствуй. Поднялся, привычно сделал несколько разминочных движений, разгоняя кровь, и направился в обход периметра временной стоянки, стараясь не морщиться от жалкого зрелища измученных женщин и детей.

«Проклятье, нет никаких сил смотреть в эти маленькие голодные глазенки... И ведь ничего пока сделать нельзя – те небольшие запасы продуктов, что были при нас, давно съедены, а просить или выменивать новые в попутных хуторах становится все труднее и сложнее, да и поди, напасись на такую ораву... Хорошо хоть, сейчас лето – грибы, ягоды, спасибо изобильной белорусской природе. Опять же, рыба пока выручает – что ни говори, удачно мы тогда, после приема в свою компанию беженцев, ближе к реке маршрут выбрали. Однако же затяги-

---

¹ Ответ пленного генерал-лейтенанта Дмитрия Михайловича Карбышева на попытки склонения его к предательству и измене Родине со стороны немецко-фашистских властей Германии.

вать наши блуждания вместе с гражданскими не следует: уже сейчас – летом – днем жара, а ночью бывает зябко, особенно детям...

Машинально подняв руку, чтобы приклепнуть надоедливую мошку, он наткнулся на щетину и досадливо скривился – его, привыкшего к чистоте и постоянной опрятности даже в боевой обстановке, отросшая за эти дни блужданий по лесам поросль на подбородке раздражала неимоверно.

Еще раз ощутив так раздражающую его щетину, пожилой генерал недовольно пробормотал: «А если в общем на ситуацию посмотреть – тогда нет, тогда совсем неудачно и крайне несурно начинается моя пятая война...»

Дмитрий Михайлович Карбышев родился в октябре 1880 года, в Омске, в семье военного чиновника. Детство было трудным и сложным: когда ему было всего семь лет, за участие в студенческом революционном движении был арестован и затем исключён из Казанского университета его старший брат Владимир, а вся их семья с тех пор пребывала под надзором полиции.

Из-за этого одиннадцатилетнего Дмитрия не приняли в Сибирский кадетский корпус для обучения за государственный счет, право на которое имел отец за беспорочную службу Отечеству, и ему пришлось поступить на учебу за плату, а это весьма сильно ударило по и так невеликому семейному бюджету.

История с братом, потом постыдный, бесцеремонный надзор чиновников из полицейского ведомства и последующий унижительный отказ в бесплатном обучении сильно подкосили отца, и через год, будучи совсем еще юным двенадцатилетним подростком, Дмитрию довелось пережить его смерть, а с ней новые тяготы существования и без того небогатой семьи.

Однако трудности и невзгоды не сломили юношу, с детства отличавшегося твердым характером и упорством в достижении цели. А цель всей жизни Дмитрий Михайлович определил себе еще в раннем детстве – служить – Отечеству, как и его отец.

Закончив обучение в кадетском корпусе с блестящими характеристиками, он затем поступил в Николаевское инженерное училище, а в 1900 году был направлен служить в Маньчжурию, в 1-й Восточно-Сибирский сапёрный батальон, начальником кабельного отделения телеграфной роты.

Вот там молодой подпоручик, полный новыми знаниями и горячим желанием эти знания применить, впервые на практике столкнулся с закостенелой тупостью и глупостью старшего военного командования.

Тупостью, то есть общей малообразованностью в военном деле, пренебрежительной недооценкой роли связи, инженерного обеспечения боя, новых видов вооружения и новых тактических приемов, обусловленных эволюцией как самого вооружения, так и военной мысли в целом. И глупостью, то есть неумением, а зачастую еще и нежеланием грамотно планировать как сам бой, так и обеспечение, снабжение боя необходимыми материальными ресурсами.

А позже, с началом в 1904 году Русско-японской войны – его первой войны, – еще и с глупостью в планировании и проведении, а чаще всего как раз в *непланировании и непроведении* боевых операций в нужные или наиболее благоприятные моменты.

В результате стратегическая инициатива закономерно переходила к противнику, и русским солдатам – вот уж кого никак нельзя было упрекнуть ни в отсутствии храбрости в атаке, ни в отсутствии стойкости в обороне – потом приходилось щедро и зазря проливать свою кровушку на невыгодных, неподготовленных позициях, а еще там и тогда, когда и где это было удобно именно японским войскам.

Видел, злился, негодовал, но служил честно, старался выполнять свои обязанности как можно лучше, тем более что военно-инженерное дело он полюбил всей душой, да и способности к этому проявились изрядные, в результате занимался этим, что называется, и для души, и от души. Устройство собственных и преодоление вражеских инженерных заграждений, минно-

взрывное дело, организация связи и инженерно-саперного обеспечения боя в целом – тут он постепенно становился если еще не выдающимся, то уже и не рядовым специалистом.

В составе своего саперного батальона занимался укреплением оборонительных позиций, организацией и обеспечением проводной телефонной связи, наводил мосты и переправы. Довелось и повоевать, так сказать, непосредственно, то есть лицом к лицу с противником, поскольку командование, видя инициативу и способности молодого офицера, частенько поручало ему проведение не только инженерной разведки позиций неприятеля, но и разведку боем.

Так что война, в целом позорная как для армии, так и для страны, лично для Карбышева закончилась весьма удачно: он подрос в чинах до поручика, не был обойден наградами. А еще – набрал солидный боевой и командный опыт, учился сам и учил подчиненных, отлично понимая, что с появлением новых видов вооружений и общим развитием техники война изменилась, и теперь, чтобы победить в бою, и от солдат, и особенно от командного состава требуется не просто храбрость и лихость, чтобы гарцевать впереди, на лихом коне, нужны и знания, и новые умения, в том числе в области сложных технических и инженерных вопросов.

Однако потом из армии и от любимого дела пришлось уйти. После того, как огромная Российская империя позорно проиграла войну небольшой островной Японии, а «царь-батюшка» и его никчемное, тупое и самодовольное окружение, не желая ничего менять, попытались просто погасить народное недовольство репрессиями, по всей стране запольхали революционные выступления, бороться с которыми чиновники всех мастей по давней русской традиции предпочли путем обычного в армии «наказания невинных и награждения нечастных».

Вот и Карбышева обвинили в том, что он, дескать, проводит революционную агитацию среди солдат... Какая, к чертям собачьим, агитация, если он, будучи человеком военным, твердо и искренне был уверен в том, что армия всегда, во все времена, должна быть вне политики, ее дело – готовиться к войне и воевать с врагами Отечества, а их у России всегда было и всегда будет хватать с избытком, вне зависимости от того, какой будет политический строй и какая форма правления. Поэтому никакой революционной агитации он не вел, но... когда солдатики спрашивали у него о причинах постыдного проигрыша России в Русско-японской войне, врать им он не мог, да и не хотел, а потому рассказывал правду: о плохом обучении и подготовке войск, о бездарности генералов, о том, как солдаты и боевые офицеры своей кровью оплачивали ошибки и просчеты верховного командования... Может, именно эту критику ему и припомнили, а может, и что другое свою роль сыграло – бог весть, но службу пришлось оставить.

Вместе с женой осел во Владивостоке, кормились тем, что подрабатывал чертежником. Но душа рвалась к любимому делу, и потому, как только представилась возможность, он из запаса снова вернулся на военную службу, по специальности, командовать ротой во вновь формируемом крепостном саперном батальоне. Служил там же, во Владивостоке, а чуть позже, в 1908 году, выдержал экзамены и поступил в Николаевскую военно-инженерную академию, что в Санкт-Петербурге.

Академию закончил в 1911 году, с отличием, и уже штабс-капитаном, а затем снова продолжил службу по военно-инженерной части, совершенствуя свои навыки в полевой и долговременной фортификации сначала при укреплении фортов Брестской крепости, а потом в качестве дивизионного инженера пехотной дивизии в Галиции.

Там, будучи уже известным в кругах специалистов военно-инженерного дела, он и встретил свою вторую войну – Первую мировую, или, как ее еще называли в мире, Великую войну...

Воевал в Карпатах в составе 8-й армии генерала Брусилова, участвовал в знаменитом «Брусиловском прорыве», проявил себя и вырос до должности начальника инженерной службы стрелкового корпуса. При штурме крепости Перемышль был ранен в ногу, за храбрость и отвагу получил очередной орден, произведен в подполковники. И в 1917 году, уже как при-

знанный военный инженер высокого уровня, руководил производством работ по укреплению позиций на границе с Румынией.

Затем страна и армия развалились, но Родина осталась, и он продолжил ей служить, пусть и в новых реалиях, на своей третьей войне – на этот раз на войне Гражданской...

Здесь он уже руководитель и военачальник высокого ранга, член Коллегии по обороне страны при Главном военно-техническом управлении РККА, руководитель всех оборонительных работ Восточного фронта, затем руководил инженерами Южного фронта. Позже, в 1923–1926 годах, был председателем Инженерного комитета Главного военно-инженерного управления РККА.

До своей четвертой – Советско-финляндской (или Советско-финской) – войны Карбышев успел многое. Щедро делился накопленными знаниями и опытом. Наряду с преподавательской работой в Военной академии имени Фрунзе разрабатывал и проектировал инженерные сооружения линии Сталина, руководил кафедрой военно-инженерного дела Военной академии Генштаба, публиковал научные труды по военной истории и военно-инженерному искусству, статьи и учебно-практические пособия по вопросам инженерного обеспечения боя и операции, возведения и разрушения заграждений, форсирования водных преград. Его учебные пособия были в те годы основными материалами по инженерно-саперной подготовке командиров Красной армии.

Потом началась Советско-финская...

Когда советские войска намертво уперлись в мощные долговременные укрепления линии Маннергейма и бессильно забуксовали, Карбышева включили в состав особой группы, которая выработывала рекомендации по инженерному обеспечению ее прорыва. Пришлось и на фронт выезжать для проведения рекогносцировок, и в грязи да в снегу при этом повалиться, несмотря на годы, но способы прорыва были найдены, рекомендации в войска направлены. Именно там и тогда себя очень хорошо проявили инженерно-штурмовые группы, которые, используя особую тактику и взрывчатку, выводили из строя мощные бетонные доты, расчищая дорогу пехоте и танкам. Дмитрию Михайловичу тогда присвоили звание генерал-лейтенанта инженерных войск, а чуть позже, уже в 1941 году, ученую степень доктора военных наук, по совокупности заслуг.

И вот, не успели еще военные специалисты молодой Советской республики осмыслить опыт, удачи и ошибки той войны, как 22 июня 1941 года на страну обрушилась Великая Отечественная война – его пятая и, скорее всего, последняя война...

Буквально за пару недель до ее начала Карбышева, как ведущего специалиста-практика по военно-инженерной фортификации, командировали в Западный Особый военный округ, проверять ход, а также сроки выполнения работ по строительству и оборудованию долговременных укреплений в составе вновь создаваемых укрепленных районов на новой границе, так называемой линии Молотова. Точнее, «проверить ход и сроки...» – это цель поездки для командировочного удостоверения, а по факту именно его направили потому, что плановые сроки сдачи, постоянно урезаемые сверху, безнадежно срывались, а он, по мнению начальства, мог в этом как-то помочь.

Честно признаться, ехать Карбышев не хотел, ибо особого смысла в этой поездке он не видел – строительство 62-го Брестского, 64-го Замбрувского, 66-го Осовецкого и 68-го Гродненского УРов на новой границе ЗОВО по объективным причинам началось только после освобождения Западной Белоруссии и организации новой границы, в июне 1940-го, то есть только год назад, и как ты тут ни крутись, какие грозные директивы на места ни посылай, но для строительства полосы долговременных железобетонных инженерных сооружений, да еще значительной степени сложности (многоамбразурных, двух- и трехэтажных, артиллерийских, с подземными уровнями – не чета более простым пулеметным дотам на «старой границе»), срок явно

недостаточен. Плюс неизбежные технические перерывы в строительстве, обусловленные сроками «созревания» вновь заливаемого железобетона, плюс слабые и водонасыщенные грунты, плюс зима и местные морозы, при которых производить бетонные работы – только зря переводить материалы...

Поэтому единичные сооружения на сухих грунтах или отдельных возвышенностях – это еще может быть, но систему укреплений – нет, нереально, ибо, как гласит народная мудрость, даже если нужно очень срочно, даже если собрать девять баб, одного ребеночка за месяц они все равно не родят. Но... он человек военный, а приказы не обсуждаются...

Единственное полезное, что он смог извлечь из этой бессмысленной командировки, так это взял с собой трех молодых, но способных и горящих желанием учиться, постигать тонкости профессии военных инженеров с кафедры военно-инженерного дела Военной академии Генштаба – и ему в помощь, и для них это должно было стать неплохой практикой в полевых условиях. Как же они ему потом пригодились!..

Командировка, ожидаемо, ничего позитивного не принесла. То есть то, что линия укреплений не готова и не может быть готова всего за год, ему было отчетливо ясно еще в Москве, но то, что он увидел на месте... Раньше он думал, что известное выражение «пожар в борделе во время наводнения» – это лишь гипербола, явное преувеличение при описании ситуации хаоса и неразберихи, однако сейчас даже это выражение блекло на фоне творящейся безалаберщины. Такого он не видел даже в 1919 году, в самый разгар послереволюционной разрухи и беспорядка, когда был руководителем всех оборонительных работ Восточного фронта и, имея под рукой лишь крайне скудные материальные ресурсы да полностью неквалифицированных строителей из бывших крестьян, обеспечивал строительство сразу семи укрепленных районов.

Какие там сроки?! Какое, к черту, качество работ?! Создавалось впечатление, что весь комплексный план строительства был выброшен за ненадобностью, строились, а затем всеми правдами и неправдами сдавались к приемке только железобетонные сооружения, а скорее, просто коробки, без орудийных и пулеметных казематных станков, без оборудования систем наблюдения, электропитания и вентиляции, без линий связи, без строительства прилегающей полевой фортификации, без... без всего остального, что делало бы построенные защитные сооружения полноценной системой долговременной обороны.

Причины... причин было много, и разных. Были причины субъективные, вроде острой нехватки квалифицированных рабочих и мастеров, разгильдяйства, недобросовестности производителей работ, безответственности и низкой требовательности приемных комиссий. Но были и объективные, в первую очередь – принципиальная невозможность одновременного обеспечения столь масштабного строительства на огромной территории всеми необходимыми ресурсами. Для этого пришлось бы собрать весь транспорт, всех квалифицированных строителей и весь бетон со всей Белоруссии, при этом остановив вообще все строительство и перевозки на ее территории...

Воочию наблюдая безрадостную ситуацию, Карбышев тем не менее рук не опустил. Вместе со своими помощниками он мотался по всей линии строительства, от Бреста до Гродно, помогая советами и рекомендациями, а кое-где, в особо запущенных случаях, используя и свои высокие полномочия. Конечно, принципиально изменить ситуацию было нереально, но чем смог, тем помог. Помогал бы и дальше, но... 22 июня, ровно в четыре часа...

Война застала Дмитрия Михайловича и его помощников в Гродно, в штабе 3-й армии, где он смог воочию наблюдать «разность потенциалов» в организации и ведении боевых действий сторон.

Немцы наступали, что называется, «по науке»: воздушная разведка, артиллерийская подготовка, выдвижение на легкой броне наземной разведки для вскрытия огневых средств про-

тивника и связывания его боем, затем подход основных сил, пехотная атака волнами при поддержке 81-миллиметровых минометов и полевой артиллерии, занятие наших оборонительных позиций и преследование отступающих советских войск.

Или, если атака не удалась – отход на свои позиции, обработка артиллерией вскрытых в ходе атаки огневых точек с целью уничтожения тяжелого вооружения, затем снова пехотная атака с артподдержкой. Если снова атака не удалась – перерыв, снова авиаразведка и вызов штурмовой авиации в лице пикирующих бомбардировщиков «Юнкерс Ю-87», которые не только точно бомбили с крутого пикирования, но при этом и выматывали всю душу ревом своих сирен. А потом снова пехотная атака...

Если же пехота натыкалась на советские танки – тогда помимо пикировщиков и штатных пехотных противотанковых пушек на передовую выдвигались еще штурмовые самоходные орудия с мощной лобовой броней, которые расстреливали наши легкие Т-26 и «бэтэшки», как в тире.

Словом, организация боя, как по учебнику, плюс к этому два года боевого опыта войны в Европе, и в результате, уже на следующий день, 23 июня, немецкие войска вошли в Гродно.

А советские войска... они, плохо обученные и оснащенные, без связи, без грамотного командования, горели в танках и гибли в окопах, задерживая врага своими жизнями, пока их командование, такое речистое и самоуверенное до войны (как же, «...и на вражьей земле мы врага разобьем – малой кровью, могучим ударом...»), пребывало в ступоре и панике: оказалось, противник воюет совсем не так, как от него этого ждали...

В результате командование не нашло ничего лучше, чем отдать приказ на отступление по всему фронту обороны 3-й армии. Отступление неорганизованное, беспорядочное и с элементами паники, больше похожее на бегство...

Никто до войны этого отступления не предполагал и не планировал, а потому и никаких планов отступления, очередности вывоза имущества и эвакуации, если не всего населения, так хотя бы семей комсостава, а также организации сдерживающих заслонов на пути наступающего противника, не было и в помине, как не было предусмотрено и потребного для этого транспорта и средств мехтяги. Как следствие, противнику оставляли все тяжелое вооружение и изрядные материальные ресурсы, которые не на чем и некогда было вывозить.

А уж там было что взять... Склады имущества и вооружения (в том числе артиллерийские) 4-го стрелкового корпуса, техника и материальная часть 29-й танковой дивизии 11-го мехкорпуса, имущество автобронетанкового склада окружного подчинения, база и ремонтные мощности гарнизонной автобронетанковой мастерской, крупный окружной продовольственный склад и даже склад стройматериалов для строительных батальонов УРов – все это, практически нетронутым, оставлялось немцам.

Для себя Карбышев окончательно понял, что «дел не будет», и ждать успехов в этой войне пока совершенно преждевременно, после того, как узнал, что противнику будут оставлены все запасы и почти вся материальная часть 23-го отдельного инженерного полка. Вот это взбесило его, обычно спокойного и уравновешенного, до ярости.

В стране до войны и так не особо уделялось внимание инженерно-саперным вопросам организации и обеспечения боя – тогдашняя военная доктрина предусматривала, что Красная армия будет вести войну наступательно, а потому, если и понадобятся, так только средства разминирования и наведения переправ, а заграждения, мины, фугасы – это все как бы и не особо нужно будет, так чего тогда понапрасну деньги народные тратить...

А тут, нате вам: отдельный, окружного подчинения, и потому стоящий на особом счету, полностью укомплектованный по довоенным штатам и нормам положенности инженерный полк, со всей номенклатурой средств организации заграждений и их разрушения, с понтонными и мостовыми парками, с тоннами взрывчатки и различных видов мин, да много с чем

еще, и вдобавок, что немаловажно, со своим штатным транспортом и специальной инженерной техникой на гусеничном ходу.

«И что теперь – это все бросить, а воевать и обеспечивать инженерное сопровождение боя чем потом прикажете?..» – ярился Карбышев.

Но даже не это – не оставление наступающему врагу ценного имущества, которое тот обязательно потом использует в своих интересах – вывело из себя этого невозмутимого даже в боевой обстановке человека. Это была ситуация хоть и возмутительная, но привычная, за долгие годы службы Карбышев насмотрелся на таких вот «полководцев», которые при отступлении и о личном составе-то не особо заботились, не говоря уж о том, чтобы обозы сохранить и заранее вывести – это на войне дело житейское, понять можно. До глубины души его возмутило и выбило из равновесия другое: полная неграмотность и пренебрежение со стороны высокого начальства теми возможностями приостановить наступление противника, которые были у них в руках.

Сам Карбышев, будучи профессором, доктором военных наук в области военно-инженерного дела, был твердо уверен в нужности и полезности инженерных войск не только в наступлении, но и во всех остальных видах боя и боевых операций, в том числе при грамотно спланированном отступлении. А будучи уверен, своими знаниями и опытом щедро делился, постоянно направляя в войска учебные пособия и методические материалы по теории и практике инженерного обеспечения боя, а также по тактике боевой работы военно-инженерных подразделений.

Кстати, его правоту в этом вопросе лишний раз подтвердил печальный для Красной армии опыт Советско-финской войны, где «горячие финские парни» на практике показали нужность и важность хорошего инженерного обеспечения оборонительных позиций.

А здесь, казалось бы, вот он, счастливый случай: под рукой хорошо обученный и полностью оснащенный инженерный полк со всем своим хозяйством – бери да пользуйся. И именно здесь, в условиях не только количественного, но и качественного тактического превосходства противника, казалось бы, грамотное инженерное обеспечение отступления заграждениями, в том числе минно-взрывными и комбинированными, на путях движения его войск, может помочь замедлить их продвижение и дать нашим войскам так необходимую им фору во времени, чтобы не бежать, все бросая, а отступать хотя бы в относительном порядке, сохраняя боевую матчасть.

Карбышев дважды ходил со своими предложениями к командованию, но оба раза был... вежливо выслушан, только и всего. Ему, как руководителю высокой комиссии из Москвы, никто не грубил, но и следовать его рекомендациям никто не собирался.

Может быть, именно поэтому он, ранее уже принявший было решение отступить из Гродно вместе со штабом 3-й армии, потом это решение переменял и вместе со своей группой решил двинуться сначала в сторону границы, к линии инженерных сооружений 68-го Гродненского УР, а затем вдоль нее, в сторону Осовца и потом Бреста. Места те он хорошо знал еще по службе в царской армии, перед Первой мировой, знал силу и мощь тамошних укреплений, многие из которых тогда же строил и оборудовал лично, а потому надеялся, что с ходу их захватить противник не сможет, наши войска там закрепятся, и уж там-то он, со своим опытом и знаниями, пригодится в инженерном обеспечении обороны. По крайней мере, не бежать от границы неизвестно куда и зачем, а сражаться. Определившись с новым маршрутом и взяв с собой небольшой запас продуктов из обширных гродненских складов, он еще затемно выдвинулся из Гродно вместе со своими помощниками.

Дмитрий Михайлович не знал и не мог знать, что, изменив свое решение, он тем самым круто изменил свою судьбу и всю последующую жизнь. И что, не случись этого, его очень скоро ждал бы немецкий плен, куда он, раненый и контуженый, попал бы не по своей воле. Его ждали бы долгие годы пыток и издевательств со стороны фашистов, которые всеми силами

будут пытаться сломить советского генерала, заставить его предать Родину и перейти на их сторону. И потом, уже незадолго до победы над Германией, в феврале 1945 года, его, измученного и больного, ждала бы последняя пытка – мучительная смерть на морозе, где фашисты его – раздетого – обливали ледяной водой... Но даже и тогда, перед смертью, его последними словами, сказанными другим пленным, были: «Товарищи, думайте о Родине, и мужество не покинет вас...»

Однако он изменил решение, и его линия жизни пошла по иному пути, а вместе с ним по иному пути пошли и судьбы многих других людей, которым выпало встретиться с Карбышевым на его новой стезе служения своему Отечеству...

Глава 1

– До свидания, товарищ Сталин, – почти хором попрощались Молотов, Берия и Микоян, покидая кремлевский кабинет вождя. Сам Сталин, после их ухода, тяжело опустился в кресло у своего рабочего стола и взглянул на часы – 29 июня, 00 часов 50 мин – начались новые сутки этой войны... Восьмые сутки проклятой, тяжелейшей для молодого советского государства и всего советского народа, войны, которой так долго опасались, к которой так долго и упорно готовились, надрывая силы народа и экономику страны, которая началась в 4 часа утра 22 июня 1941 года и которую, в конце концов, проморгали...

Проморгала разведка, которая, имея по всему миру множество агентов, причем не только своих штатных сотрудников, но и завербованных из числа искренне сочувствующих молодой Советской республике иностранцев, так и не смогла достоверно определить ни точную дату начала войны, ни реальную степень мобилизации и развертывания немецкой армии у советских границ, ни истинную степень оснащения, организации, боеготовности войск противника...

Проморгали военные – маршалы и командармы, которые постоянно докладывали ему, что Рабоче-крестьянская Красная армия имеет самое совершенное оружие и технику, отлично подготовлена и имеет высокий боевой дух. И что в скорой и неизбежной войне эта самая Рабоче-крестьянская Красная армия после первых же часов вражеского нападения мощными контрударами ошеломит и опрокинет агрессора, а потом, неудержимой лавиной, сметая на своем пути все и вся, ринется своими великолепно оснащенными и горящими отвагой конномеханизированными соединениями на вражескую территорию, чтобы быстро добить врага в его же логове.

«...Получается, вдали?.. Или, если не вдали, а сами в это верили, тогда, получается, дураки?..»

Проморгал он сам... Да, чего уж тут скрывать или лукавить – самого себя ведь не обманешь, и он тоже проморгал... Знал, всеми силами старался сначала предотвратить, а потом, когда никто из лидеров европейских держав не захотел совместных действий против Германии, хотя бы отодвинуть начало войны, согласовав подписание «Договора о ненападении между Германией и Советским Союзом», который антисоветская западная пропаганда тут же стала называть не иначе, как Пакт Молотова-Риббентропа... и в результате все-таки проморгал...

Всю эту, первую, и потому самую тяжелую, неделю войны он, стараясь не показывать окружающим, очень сильно переживал и постоянно, чем бы ни занимался, задавал самому себе одни и те же вопросы: «Как так получилось, что проморгали?.. Почему проморгали?.. Куда смотрели?..»

Куда смотрела разведка, куда смотрели военные, куда, наконец, смотрел он сам?!

...Ну, ладно, он. Он не военный, и того, что когда-то влез, по молодости, в действия военных при обороне Царицына, ему вполне хватило, чтобы ясно понять: военное дело – это не его, и соваться туда, показывая всем окружающим свою некомпетентность, без крайней необходимости не следует. Он, по правде говоря, и в Царицыне-то влез в военные дела только потому, что ясно и совершенно определенно сделал для себя вывод: действия, а точнее бездействие, самих военных, во главе с бывшими царскими офицерами, могут привести к сдаче Царицына, а это привело бы и к невыполнению задачи по организации поставок хлеба в голодающий центр страны. Задачи, которую поставил перед ним сам Ленин, и не выполнить которую, не оправдав тем самым доверия Вождя Революции, он просто не мог...

Так вот: ладно, он – он не военный...

Но остальные-то, те, которые именно военные... Все эти «великие полководцы»: командармы, маршалы, наркомы, а с ними и военные теоретики, разработчики военной доктрины Советского Союза... Вот они-то, все вместе и по отдельности, куда смотрели?!

...Ну ладно, Ворошилов. Он никогда не отличался ни особым умом, ни особыми способностями к военному делу, да и вообще особыми способностями, за исключением разве что особо меткой стрельбы, в честь которой даже значок «Ворошиловский стрелок» учредили. И это еще во время обороны Царицына очень ясно проявилось. Но его сильная сторона всегда была в другом – в безоговорочной вере и личной преданности только ему, Сталину, в постоянной готовности поддержать любое мнение и решение своего вождя, причем не только поддерживать, но и активно потом отстаивать на всех уровнях и всеми доступными ему способами... А время тогда было такое, что преданность казалась важнее способностей.

Потому и поставил Ворошилова на армию, наркомом, что всегда был уверен – этот никогда и ни при каких обстоятельствах не предаст.

...Ну ладно, Буденный – этот тоже не военный гений, но тоже лично предан, а еще он действительно лихой рубака-кавалерист, храбрый и смелый командир, очень популярный в войсках именно за эти свои качества. К тому же в житейском смысле он далеко не дурак и никогда поперек «линии партии», то есть мнения и решений вождя, ни словом, ни делом не перечил. Не так, как Ворошилов, но тоже надежен, потому и не менял на молодого и способного.

...Но Жуков?! Тимошенко?! Эти, «молодые и способные» – они-то куда смотрели?!

Молодое Советское государство дало им все – образование, службу и карьеру, возможность учиться и совершенствоваться, перенимая передовые военные знания и опыт. И еще – им, как защитникам Отечества, вся страна дала всенародную любовь и горячую поддержку во всех начинаниях и перспективах развития вверенных им войск Рабоче-крестьянской Красной армии.

И что в итоге?!

Теперь все эти военные теоретики и практики имеют, что называется, «бледный вид и тихую походку», а в Генштабе и Наркомате обороны царит растерянность и беспомощность в попытках не то, чтобы выправить или улучшить, но хотя бы стабилизировать ситуацию на фронтах. На заседаниях Ставки Главного командования ее председатель – нарком обороны Тимошенко – имеет все тот же бледный вид, невразумительно твердит о неожиданности нападения и явно не соответствует ни статусу председателя СГК, ни должности наркома обороны, война это ясно показала. Начальник Генштаба Жуков не лучше – до сих пор не может восстановить связь и управление войсками...

«Эх, бросить бы все к чертовой матери, уехать в Кунцево, на Ближнюю дачу, осмыслить все пару дней в спокойной обстановке, и пропади оно все пропадом... Пусть эти горе-вояки сами пытаются выкарабкаться из той задницы, в которую они попали сами и затащили всю страну!...»

Но нельзя, нельзя – потому что именно он, как верховный руководитель, в конечном счете, отвечает за все ошибки и промахи – не только свои, но и своих подчиненных...

Он знал, что за глаза его все чаще называют «Хозяин», и был этому только рад. Потому что он и есть именно хозяин огромной державы, и целью всей его жизни после прихода к власти было сначала побороть разруху после кровавого ужаса революции и гражданской войны, а потом обустроить, возвеличить эту державу, превратив ее снова в великую империю, к которой прислушивались и с которой считались абсолютно все остальные страны.

На этом пути он разошелся с Троцким, который хотел, используя бывшую Российскую империю, продолжить раздувать по всему миру пожары революций и которому было наплевать на Россию, ее народ, который служил для него только топливом для костра мировой революции.

На этом он разошелся и со многими «старыми большевиками», и вообще со многими «товарищами революционерами» в партии, которые тоже не хотели (или не могли, по причине малой образованности, а учиться опять-таки не желали) заниматься тяжелым трудом по строительству державы, а вместо этого либо продолжали веселиться в кровавом угаре, примкнув к Троцкому и его идеям, либо пытались стать «новым дворянством», новой элитой, ничего не производящей и не делающей, но зато жадно предающейся роскоши, разврату, сибаритству и прочим радостям жизни, в подражание прежней царской знати.

«Товарищи» не успокоились и со всем пылом задетых за живое, за собственные интересы мелких душонок ринулись создавать оппозиции, левые и правые партийные уклоны, различные «платформы» и партийные дискуссии по вопросам как строительства партии, так и руководства страной в целом. Борьба с этими горлопанами, которые не только раскалывали партию, но и вносили смятение в умы простого народа, была долгой, кровавой и отнимала не только силы, но и время, которое можно было потратить на экономику, промышленность, на обустройство страны.

И теперь, когда его страна захлебывается кровью своих сынов и дочерей, гибнущих сейчас под ударами фашистских войск в приграничных округах, а кругом царит паника и неразбериха, именно он, Вождь и глава Советской страны, ее Хозяин, должен любой ценой остановить, предотвратить ту катастрофу, к которой привели ошибки, головотяпство, некомпетентность и еще много других обстоятельств... и которую проморгали...

Сталин с тоской оглядел свой рабочий стол и лежащие на нем документы с информацией по обстановке на фронтах – хотя какие там документы, какая информация!.. – обрывочные и крайне неточные сведения, зачастую противоречащие друг другу. Вот как можно на основании такой неполной и недостоверной информации принимать хоть какие-то решения?!

«Чем, черт возьми, занимается весь Генеральный штаб Красной армии, чем занимается целый Наркомат обороны?! Неделя войны прошла, а они до сих пор не могут не то что восстановить управление войсками в приграничных округах, но хотя бы наладить связь с командующими фронтами и армиями! Ладно, пусть уже не со всеми командующими и не на всех фронтах, но хотя бы на самом важном и значимом сейчас, на западном стратегическом направлении можно же было хоть что-то сделать?!»

Оба они, и Тимошенко, и Жуков, сегодня вечером были у него, а перед ними еще Буденный на прием затесался, да толку-то с этого?.. Сбивчивые и путаные доклады, полная неизвестность о том, что сейчас творится на Западном фронте и конкретно под Минском... Единственная «достоверная» информация – так это лишь то, что наши войска под постоянными ударами противника отступают от границы, причем и здесь без конкретики: как и куда эти войска отступают, где планируют остановиться, какие потери в живой силе и технике, какова их степень боеспособности. Да еще Буденный талдычил как заведенный о том, что надо, дескать, срочно разворачивать новые кавалерийские дивизии, а где для этих дивизий брать лошадей, танки, артиллерию, пулеметы и минометы – про то пусть у товарища Сталина голова болит... Стратеги, бл...!

Сталин тяжело вздохнул. «Пожалуй, завтра, а точнее уже сегодня, после нескольких часов короткого сна, придется самому ехать в Наркомат обороны и устраивать там разнос этим... таким говорливым и самоуверенным до войны, а теперь растерянным и обескураженным павлинам с маршальскими звездами в петлицах... Может, хоть так удастся заставить их встряхнуться и прояснить наконец обстановку в Белоруссии...»

Домыслить, что и кому конкретно в Наркомате обороны он сегодня будет говорить, Сталину помешал телефонный звонок из приемной – звонил Поскребышев.

– Товарищ Сталин, только что в приемную, посыльными фельдсвязи прямо с аэродрома, доставлен пакет на ваше имя от командующего войсками Западного фронта Павлова, гриф «Совершенно секретно».

– Несите, – недовольно ответил Сталин, поскольку ничего хорошего от содержимого этого пакета он не ждал. Павлов, боевой генерал, участник войны в Испании и его любимец до войны, которому он, Сталин, не скрывая, симпатизировал, за первые несколько дней войны, пока еще была устойчивая связь с Минском, ничем хорошим себя не зарекомендовал, а потому упоминание о нем сейчас вызывало только глухое раздражение.

«С первого дня войны ничего путного сделать не сумел: скрытое приведение в боевую готовность организовать не смог, оборону организовать не смог, резервы второго эшелона к границе перебросить не смог, контрудар под Гродно, во фланг наступающему противнику, организовать не смог, допустил развал фронта и прорыв немцев под Минск, а сам – только панические доклады в Москву: "Все плохо, все пропало, фронт не удержим, Минск не удержим, надо отводить войска, столицу Белоруссии придется оставить..."».

Небось опять будет плакаться на потерю управления войсками, подавляющее превосходство противника и просить разрешения отступить, отвести войска из Минска... Куда отступать, черт возьми – до самой Москвы теперь удирать?!

Сталин, сквозь зубы ругая Павлова, раздраженно копался во вскрытом пакете.

«Так, что он тут напихал?... Сводка по фронту... карта с оперативной обстановкой, еще какие-то документы... А это что – донесение на мое имя? И почему это он мне напрямую пишет, почему не через Генштаб, у него что, своего, военного начальства нет?... Совсем распоясались, этот вопрос завтра в Наркомате обороны тоже подниму... Ладно, почитаем...»

Сталин углубился в документы, но уже через несколько минут чтения прервался, отложил бумаги и нарочито неторопливыми движениями, чтобы немного успокоить волнение, принялся набивать трубку. Было от чего волноваться – столько всего и сразу прислал ему Павлов в этих бумагах!..

Прежде всего – свежая информация по оперативной обстановке Западного фронта. Павлов, будто бы и не он еще пару дней назад слал в Москву панические донесения о том, что Западный фронт трещит по всем швам, связь и управление войсками фронта практически полностью утеряны, оборона под Минском, с нескольких сторон продавливаемая немецкими танковыми и механизированными частями, рухнет со дня на день, и надо срочно отступить чуть ли не до Смоленска, сейчас, словно его кто подменил, грамотно и четко описывал текущую оперативную обстановку и вероятные планы немецкого командования, ссылаясь на недавно полученные точные разведданные. Теперь многое становилось понятным...

«Вот оно что!.. Вот, значит, как оно получается...»

Сталин встал и в задумчивости начал прогуливаться туда-сюда по ковровой дорожке вдоль стола для совещаний. Еще в далекой революционной юности, в Туруханской ссылке, он заболел полиартритом, и с тех пор от долгого сидения у него усиливались боли в ногах, а такие вот «прогулки» по кабинету их пусть немного, но ослабляли.

«Получается, немецкие танковые и механизированные части проломали нашу слабо организованную оборону по флангам Белостокского выступа, вышли на оперативный простор и двумя мощными механизированными клиньями, с постоянной поддержкой своей штурмовой авиации, форсированным броском оказались под Минском, причем так быстро, что этого никто из наших военных не ожидал, соответственно, и все предвоенные планы оборонительных мероприятий, а также развертывания войск второго и третьего эшелонов прикрытия госграницы, полетели к чертям собачим... Получается, войска Западного фронта уже сейчас рассечены на части, которые противник намеревается окружить и громить по очереди, и помешать ему в этом...»

Да, пожалуй, это действительно катастрофа, и не только один Павлов в ней виноват, но и вся наша военная верхушка, под чьим руководством готовились предвоенные планы обороны... Тупоголовые ослы!..

Впрочем, кто виноват – об этом можно и позже, сейчас гораздо важнее – решить, что делать. Но прежде что там еще, в бумагах от Павлова?»

Сталин вернулся к столу и снова углубился в документы.

«Ну вот, это уже больше похоже на поведение моего бывшего любимца – первые хорошие новости за неделю этой проклятой войны!»

В своей докладной Павлов, так же четко и убедительно, описывал свои действия по организации обороны Минска вплоть до ведения масштабных уличных боев. Мало того, далее он писал, что, учитывая важность удержания войск противника на приграничных рубежах, принял решение об организации на территории Белостокского выступа круговой обороны в виде очень значительного по территории и наполненности войсками оборонительного укрепрайона, с частичной опорой на сооружения и ресурсы линии Молотова, с целью сбора, организации и восстановления боеспособности отступающих от западной границы войск, для последующей организации боевых действий в тылу противника и на его коммуникациях снабжения. Далее Павлов писал, что, постаравшись максимально обескровить механизированные части противника под Минском и во время уличных боев в самом Минске, он сам потом отступать вглубь Белоруссии вместе с войсками Западного фронта не планирует, а вместо этого просит разрешения направиться в Белосток, где сейчас сбором войск и организацией обороны временно командует командующий 6-го мехкорпуса генерал-майор Хацкилевич и где он, Павлов, планирует далее возглавить ведение боевых действий, а товарища Сталина просит согласовать это его решение, после чего назначить нового командующего войсками Западного фронта.

К донесению была приложена короткая записка о том, что надежная проводная и телеграфная связь с Москвой так и не восстановлена, а потому пакет направляется с делегатами фельдсвязи на самолете и лично товарищу Сталину, как наиболее авторитетному представителю Ставки Главного командования.

«...И ведь знает, засранец, что председатель Ставки ГК совсем не товарищ Сталин, а как раз его прямой начальник, Тимошенко, но пишет именно мне, хоть и понимает прекрасно, что за такое самовольство его собственное начальство по головке не погладит, да... С другой стороны, Павлов, похоже, так же хорошо понимает, что в той растерянности и неразберихе, которая сейчас творится в Генштабе и Наркомате обороны, ни помощи, ни четких указаний оттуда ждать не приходится, а потому и выбрал самый короткий, по его мнению, путь... Хитрый чертяк!»

Закончив чтение, Сталин пока отложил бумаги, снова встал и прошелся по ковровой дорожке. Сейчас предстояло все тщательно взвесить, осмыслить и проанализировать, чтобы потом, после долгих и неторопливых размышлений, принять решение – суеты, торопливости ни в словах, ни в мыслях, как, впрочем, и в поступках, он не любил.

«...Оборонительный район, да еще в тылу наступающих немецких войск – это, пожалуй, идея хороша. Все не бежать нашим войскам, с заср... испачканными штанами, от границы и аж до самой Москвы...

Они тогда, если действительно удастся собрать в кучу, в единый кулак, дезорганизованные войска из первого эшелона прикрытия госграницы, могут стать грозной силой... и наступающие к Минску немецкие войска они на себя оттянут... Да, очень прилично войск противника они могут боями связать... К тому же партизанское движение по всей Белоруссии оттуда удобнее организовывать будет... Впрочем, это надо будет отдельно с Пантелеймоном Кондратьевичем Пономаренко обсудить, он, как руководитель ЦК Компартии Белоруссии, занимался вопросами возможной организации там партизанского движения еще до войны, так что ему, как говорится, и карты в руки...

Да, с этим оборонительным районом в тылу противника – хорошая идея, очень хорошая. Я думаю, надо будет ее поддержать. И самого Павлова, раз уж он так сильно хочет, я, пожалуй, туда воевать отпущу – как командующий фронтом он никакой оказался, так, может, там себя проявит, да репутацию свою, изрядно подмоченную первой неделей войны, поправит...

Вот только... Как они там снабжаться планируют, обороняясь в кольце немецких войск... Ну, да это им там видней, надеюсь... И то, что генерал-танкист сейчас там оборону строит, да еще на большой территории – это, я думаю, не очень хорошо, не очень правильно, тут надо думать. Сам Павлов, как специалист по организации масштабной обороны, тоже... тот еще специалист, война это четко показала. Эх, зря я все же согласился с его выдвижением на должность командующего округом, ошибся, тут, как говорится, не по Сеньке шапка оказалась... Теперь эту ошибку надо исправлять, поэтому, пожалуй, правильно будет направить Павлову в помощь толкового специалиста именно по организации грамотной обороны крупных войсковых соединений, и вот тут снова ошибиться никак нельзя, значит, нужно посоветоваться с грамотным и опытным именно в плане организации обороны военным... Как же все-таки хорошо, что среди нашего высшего комсостава не все подряд тупоголовые ослы, встречаются и светлые головы, вроде Шапошникова, вот только мало их, прискорбно мало...»

Борис Михайлович Шапошников был одним из немногих военных, которого Сталин очень ценил и к которому относился с подчеркнутым уважением. Умница, светлая голова, Шапошников удачно сочетал в себе способности одаренного военного теоретика, обладающего высокой эрудицией и широким кругозором, и умелого практика с большим опытом командной и штабной работы, причем значительную часть этого опыта Шапошников получил еще в боях Первой мировой, уже тогда пройдя ряд командных должностей и дослужившись до полковника и начштаба дивизии.

При этом сам Борис Михайлович был всегда выдержан, вежлив и тактичен в общении не только с начальством, но и с подчиненными, отличался исполнительностью и редкой ответственностью в работе.

Уже без малого пять лет Сталин периодически советовался с ним по разным военным вопросам. Не всегда и не во всем следовал потом этим советам, по разным причинам – здесь и политика, и особенности «текущего момента», и «подковерные» интриги разных группировок в руководстве РККА, и много еще нюансов, – но чувство глубокого уважения и восхищения этим достойным человеком поистине энциклопедических военных знаний не проходило. А единственным «недостатком» Шапошникова, если можно так выразиться, было слабое здоровье, изрядно подорванное тяготами и лишениями сорокалетней военной службы.

Вот и сейчас, Шапошников срочно нужен, а он серьезно болен – еще в первые дни войны он и заместитель наркома обороны Кулик вылетели в Минск, разобраться в той чехарде и панических донесениях Павлова. Ну, и просквозило его в самолете, да так, что по прилете в Минск Шапошников практически сразу слег, был самолетом отправлен обратно в Москву и здесь все еще никак не выздоровеет... Однако обстоятельства вынуждают.

Сталин поднял телефонную трубку и вызвал своего многолетнего личного помощника:

– Товарищ Поскребышев, узнайте у товарища Шапошникова, сможет ли он, по состоянию здоровья, прямо сейчас прибыть в Кремль, а если сможет – тогда немедленно вышлите за ним автомобиль.

Глава 2

Звонок Поскребышева раздался уже через сорок минут.

– Товарищ Сталин, только что прибыл товарищ Шапошников.

– Пусть заходит, – Сталин оторвавшись от бумаг, в очередной раз подумал о Шапошникове с симпатией.

«Вот, не только умница, но и настоящий солдат: хоть и болеет, но, если нужен, то всегда на службе, и готов прибыть по первому зову...»

– Здравствуйте, товарищ Сталин.

– Здравствуйте, Борис Михайлович, проходите, садитесь. – Сталин указал Шапошникову на стол для совещаний, куда заранее переложил большую часть присланных из Минска документов, а сам, чтобы не «стоять над душой», принялся прохаживаться по кабинету, продолжая обдумывать ситуацию в Белоруссии.

– Вижу, что вы еще не выздоровели окончательно, и благодарю за то, что откликнулись на мое приглашение даже в таком состоянии, но у меня появились к вам несколько вопросов, принятие решения по которым не терпит отлагательств. И, кстати, эти вопросы отчасти взаимосвязаны с теми вопросами, для прояснения которых вы так неудачно осложнили свое здоровье полетом в Минск... Вот, посмотрите, эти материалы мне два часа назад доставили от Павлова, прошу вас ознакомиться и высказать свое мнение, пока хотя бы в общих чертах.

Шапошников, понимая, что Сталин зря торопить не будет, присел на стул и принялся быстро, но внимательно просматривать документы, особое внимание уделяя изучению карты с нанесенной на ней свежей оперативной обстановкой по Западному фронту. Потом немного подумал, собираясь с мыслями – он отлично знал, что Сталин очень не любит неясных и неточных пояснений, предпочитая короткие и четкие ответы на свои вопросы, – и только потом начал говорить:

– Товарищ Сталин, материалы по оперативной обстановке и дислокации войск, конечно, нужно изучить более тщательно, сопоставляя с уже имеющейся у нас информацией о действиях и перемещениях противника на западном направлении. Но уже сейчас абсолютно ясно, что противник сумел создать значительный количественный и качественный перевес своих войск под Минском, наша оборона там, при таком соотношении сил, долго не продержится, а серьезных резервов, которые могли бы усилить тамошнюю оборону, у нас сейчас нет, да если бы даже и были, перебросить их под Минск мы явно не успели бы...

– Ну хорошо, Борис Михайлович, – недовольно проворчал Сталин, который, анализируя информацию Павлова, тоже уже осознал, что Минск, скорее всего, удержать не удастся, и это осознание отнюдь не прибавляло ему хорошего настроения, – а что вы думаете о предложении командующего Западным фронтом организовать под Белостоком круговую оборону силами собираемых по округе войск?

– Вот тут, товарищ Сталин, вопрос не простой, и двумя словами на него не ответишь, – вздохнул Шапошников. – Не зная точного состава задействованных для этого сил и средств, а также сил и средств противодействия этому со стороны противника, сложно делать прогноз по времени существования и успешности такой обороны, и тем не менее уже сейчас я могу высказать некоторые соображения.

Сама по себе идея организации в районе Белостока оборонительного плацдарма на значительной территории, с возможностью обеспечения круговой обороны... сама по себе, повторяюсь, идея очень хорошая и перспективная, причем сразу по нескольким основаниям.

Начать с того, что театр военных действий в Западной Белоруссии вообще, а в районе Белостока с его окрестностями в особенности, крайне благоприятен именно для ведения оборонительных боев. Если посмотреть на карту... – Шапошников встал и чуть повернул при-

сланную Павловым карту на столе так, чтобы подошедшему Сталину было лучше видно, а сам, в качестве импровизированной указки, взял со стола карандаш. – Вот, видите, товарищ Сталин, местность практически везде лесисто-болотистая, много крупных и полноводных рек с многочисленными притоками, плюс к этому множество малых рек и речушек, с обширными и водонасыщенными, а часто еще и заболоченными низинами между ними. Соответственно, слабые грунты, а потому технику и тяжелое артиллерийское вооружение где попало по этим грунтам не протащишь, нужны дороги или инженерная подготовка местности по предполагаемым маршрутам движения. Помимо этого, вокруг Белостока расположены густые и труднопроходимые даже для пешего марша лесные массивы практически без крупных дорог и заполненные естественными препятствиями в виде буреломов и природных древо-кустарниковых завалов – Супрасельская пуца, Беловежская пуца, а чуть дальше, между Белостоком и Минском, ближе к Минску – еще одна пуца, Налибокская. В этих пуцах легко можно укрыть от авиации, артиллерии и танков противника с десятков пехотных дивизий со всем их имуществом и вооружением.

Неизбежным следствием упомянутых особенностей рельефа местности является то, что хороших дорог с искусственным покрытием, пригодных для перемещения больших масс войск, боевой техники и автотранспорта, в том районе не так много, и практически все они, за редким исключением, идут через Белосток или пересекаются возле него, образуя условно радиальные (с учетом изгибов) направления от Белостока на Гродно, Августов, Граево, Ломжу, Брест, а также вглубь Белоруссии, через Волковыск на Барановичи, и далее на Минск. Соответственно, тот, кто контролирует Белосток, имеет возможность контролировать всю военную логистику дорожной сети Белостокского выступа, и, даже если эту дорожную сеть в полной мере не сможем использовать мы, то использование ее противником можно будет заблокировать почти полностью... или, по крайней мере, можно будет заблокировать снабжение по этой сети наступающих вглубь нашей территории армий противника.

То же самое относится и к железнодорожным транспортным коммуникациям: Белосток является крупным железнодорожным узлом еще со времен Петербурго-Варшавской железной дороги, а сейчас это центр Белостокской железной дороги, имеющей большое количество подвижного состава и мощную ремонтно-эксплуатационную базу. Еще одним положительным моментом является то, что ее железнодорожная сеть тесно переплетена с коммуникациями Брест-Литовской железной дороги, а это, в свою очередь, может значительно увеличить операционные возможности военной логистики. Оба этих фактора отдадут в руки наших войск, обороняющихся под Белостоком, стратегическую инициативу маневра силами и средствами на всей протяженности театра военных действий от Гродно до Бреста и от Ломжи до Волковыска. Вот только смогут ли они эту стратегическую инициативу использовать, в условиях активного противодействия войск противника?..

Это были, так сказать, положительные моменты идеи создания оборонительного района под Белостоком, товарищ Сталин, – снова вздохнул Шапошников. – А теперь, для полной объективности картины, я должен обрисовать вам и отрицательные – они, к сожалению, тоже имеются. Первая и самая главная проблема любого оборонительного плацдарма в условиях охвата его противником, а уж тем более в условиях полного окружения, – это всегда и неизменно проблема снабжения обороняющихся всем необходимым для войны. Именно поэтому, как правило, окруженные противником группировки войск долго и эффективно сопротивляться без внешнего снабжения не могут. А Павлов и его комсостав, как я понял из бумаг, что вы мне показали, изначально планируют организацию круговой обороны именно в тылу противника. При этом далеко не факт, что мы в текущих условиях отступления наших войск вглубь Белоруссии сможем организовать внешнее снабжение окруженной группировки, и Павлов наверняка это понимает.

Я вижу этому только одно объяснение. В районе Белостокского выступа, как, впрочем, и везде в приграничных областях, перед войной были сосредоточены значительные ресурсы для снабжения и мобилизационного развертывания наших войск – склады и хранилища продовольствия, боеприпасов, вооружения... Если обороняющимся удастся собрать эти ресурсы с прилегающих территорий – пусть даже не все, а хотя бы весьма значительную их часть, тогда эта затея с организацией обособленного и самостоятельного очага боевых действий имеет неплохие шансы на успех... По крайней мере, на несколько месяцев обороны им там всего должно хватить. Но это, товарищ Сталин, только мои предположения, как оно получится со снабжением окруженной группировки в реальности, я предсказывать не возьмусь...

И вторая проблема, которая представляется мне не менее серьезной. Дело в том, что, еще по результатам изучения опыта Первой мировой войны, где окончательно сформировалась школа строительства оборонительных позиций, со всей определенностью был доказан постулат о том, что для успешной обороны необходимы грамотный выбор и качественная инженерная подготовка оборонительных рубежей. А с этим, боюсь, у них там могут возникнуть сложности... Пожалуй, пока еще есть возможность долететь в Белосток, я мог бы лично направиться туда и...

– Нэт, товарищ Шапошников, никуда ви нэ полэтите! – прервал его Сталин с легким акцентом, иногда проявлявшимся у него в минуты сильного волнения. – Хватит, налэтались уже... до болэзни, а здоровье у вас и так не особо крэпкое.

И потом, уже успокаиваясь, добавил:

– Вы, с вашими знаниями и опытом, нужны нам здесь, в Москве, в Генеральном штабе... И вообще, знаете что, давайте-ка вы, Борис Михайлович, выздоравливайте поскорее, а потом готовьтесь снова принимать должность начальника Генштаба. Есть мнение, что освобождение вас от этой должности в мае сорокового года было ошибкой...

– Благодарю вас, товарищ Сталин, – ответил польщенный Шапошников, который тогда, после откровенного и уважительного разговора с ним самого Сталина, хоть и принял безропотно свое незаслуженное снятие с должности, обусловленное снятием Ворошилова с поста наркома после неудач и ошибок в советско-финской войне, но осадочек-то в его душе оставался... – Вот только... тогда по-прежнему остается открытым вопрос, кого направить в Белосток для оказания помощи в организации мощной и продуманной обороны.

– А вот это, Борис Михайлович, – Сталин чуть усмехнулся в усы, – как раз и является основной причиной, по которой я вызвал вас сюда посреди ночи. И теперь я хотел бы выслушать ваши предложения по наиболее подходящей кандидатуре такого специалиста... кроме вас, разумеется...

Шапошников задумался: вопрос выбора специалиста по обороне был очень непростым... Точнее, с некоторых пор этот вопрос стал непростым...

Да, был еще с начала двадцатых годов у молодой Советской республики военный гений и разработчик оборонительной концепции ведения будущей войны, бывший царский генерал, Александр Андреевич Свечин. Он, работая в Академии Генштаба РККА, выдвинул и разрабатывал концепцию «Стратегической обороны», или «Стратегии измора», как наиболее эффективного способа ведения боевых действий с превосходящим противником до момента истощения его наступательного и логистического потенциала.

И ведь поначалу многие военные специалисты к его доводам прислушивались, более того, к идее правильности его концепции постепенно пришел сам нарком обороны Фрунзе... Но потом, после смерти Фрунзе, в высшее руководство РККА пришел Тухачевский, который, в противовес оборонительной концепции, начал активно продвигать наступательные формы ведения боевых действий: сначала идею «Глубокого боя», а потом и «Теорию глубокой операции».

Самого Свечина Тухачевский и его сторонники наступательной доктрины просто заклевали своими нападками и обвинениями во вредительстве делу становления наступательного потенциала победоносной Красной армии. Закономерным итогом стало то, что Свечина, после ареста в 1930-м, потом осуждения на пять лет лагерей в 1931-м, в июле 1938 года все-таки расстреляли по обвинению в участии в контрреволюционной деятельности.

С тех пор в военной доктрине советского государства прочно утвердилась концепция «Стратегического наступления» или «Стратегии сокрушения» под лозунгом «войны малой кровью, на чужой территории», а Рабоче-крестьянская Красная армия начала готовиться к тому, чтобы в случае нападения врага стать «самой нападающей из всех когда-либо нападавших армий» (в редакции ПУ-39). Про оборону в том же уставе ПУ-39 тоже говорилось достаточно много и подробно (целая глава), но на практике изучению оборонительных действий внимание либо не уделялось вообще, либо уделялось очень мало – доктрина-то наступательная, да и построение обороны конно-механизированными соединениями, которые теперь становились основой РККА, это как-то... не очень и нужным стало считаться, их стихия – решительное наступление, могучий удар. А страна по умолчанию осталась без специалистов по организации и ведению масштабных оборонительных операций...

Сам Шапошников, имевший не только знания, но и боевой опыт ведения как наступательных, так и оборонительных боев на уровне крупных войсковых соединений (полк, дивизия), скорее склонялся к идеям Свечина, тем более что тот не отрицал наступления как такового, а лишь указывал, что наступать нужно обязательно, но потом, когда противник уже достаточно измотан и ослаблен грамотными оборонительными боями... Поэтому, особо не афишируя, давал своим близким ученикам для изучения положения обеих концепций. Это, конечно, была не полноценная Свечинская школа, но хоть что-то... И вот теперь предстояло выбрать самого способного из них.

– Вы знаете, товарищ Сталин, я думаю, что лучше Александра Михайловича Василевского с задачей организации под Белостоком грамотной обороны не справится никто. Он в 1937 году с отличием окончил Военную академию Генерального штаба, потом, уже во время службы в Генштабе, занимался вопросами боевого планирования, в том числе и на западном направлении, и в частности, вопросами подготовки к отражению нападения агрессора, так что тамошний театр боевых действий отлично знает, и задача организации обороны в тех краях будет ему не в новинку. Кроме того, в двадцатых годах Василевский воевал как раз в тех местах, в должностях сначала помощника командира, а потом и командира полка, так что, помимо штабного опыта, также имеет и опыт командования в боевой обстановке. Ну, и я, по мере сил, ему перед отлетом в неясных вопросах помогу...

– Василевский... – медленно повторил Сталин, снова прохаживаясь по кабинету. – Это который сейчас первый заместитель начальника Оперативного управления Генштаба? И который к тому же ваш лучший ученик, ведь так, Борис Михайлович?

Василевского он хорошо знал, считал толковым штабистом и достойным человеком, а потому, как и к Шапошникову, относился с теплотой. Даже помог несколько лет назад восстановить отношения с родителями.

– Это ведь он, вместе с вами, разрабатывал первый вариант плана войны с Финляндией – тот, который так и не был принят? И он же, опять вместе с вами и под вашим руководством, принимал участие в разработке оперативных планов стратегического развертывания РККА на северном, северо-западном и западном направлениях в случае начала боевых действий с Германией? Эти планы мне потом, в сентябре 1940 года, докладывали нарком обороны Тимошенко и ваш сменщик на посту начальника Генштаба Мерецков со своим первым замом Ватутиным. Да, докладывали...

Сталин отлично помнил и этот доклад, и сами планы, в которых Шапошников указал, что наиболее вероятным представляется развертывание основных сил немецкой армии именно на

северо-западном и западном направлениях, и предлагал заранее готовить главные силы РККА к развертыванию в полосе от побережья Балтийского моря до Полесья, то есть на участках Северо-Западного и Западного военных округов. Тогда, на совещании, сам Сталин высказал мнение, что Германия в случае войны направит главный удар не на северо-запад, а на юго-запад, чтобы первым делом захватить богатые сырьевые и сельскохозяйственные, а также развитые промышленные районы. И предложил военным переработать планы развертывания с учетом этого мнения. Все присутствующие на совещании члены Политбюро его единогласно поддержали, а из военных никто даже не сделал попытки его переубедить, все молча взяли под козырек и пошли перерабатывать планы под другое направление главного удара... А самого Шапошникова, который разрабатывал эти планы, знал их как никто другой и, скорее всего, смог бы убедить Сталина, что основной удар будет в Прибалтике и Белоруссии, на совещании не было, его сам Сталин незадолго до этого снял с поста начальника Генштаба. Не было и Василевского, который тоже мог бы очень аккуратно, тактично, как он это всегда умел, аргументировать ошибочность мнения Сталина и которого пришлось отдалить вместе с Шапошниковым, как его верного помощника... Да, это действительно было ошибкой... именно его, Сталина, ошибкой.

– Думаю, вы правы, Борис Михайлович, – вернулся из воспоминаний Сталин, – есть мнение, что товарищ Василевский успешно справится с этой задачей. Благодарю вас за конструктивный разговор, езжайте домой, долечивайтесь, а потом сразу ко мне, за новым назначением...

Отпустив Шапошникова, Сталин дал Поскребышеву указание срочно вызвать Василевского, а сам, посмотрев на часы – уже рассвет – и отодвинув плотную, светонепроницаемую штору, немного постоял, подышал свежим воздухом у окна, обдумывая свои дальнейшие действия.

«Значит, Василевский... Василевский – это хорошо, военный он грамотный, шапошниковская школа, и с организацией эффективной круговой обороны он, пожалуй, справится успешно, тут Борис Михайлович прав.

И тогда немецкие войска в Белоруссии получают у себя в тылу большую проблему, на ликвидацию которой им придется оттянуть с фронта значительные силы, это в самом плохом для нас варианте, а в самом хорошем, если под Белостоком действительно получится собрать значительное количество наших войск и ресурсов снабжения, тогда там может получиться долговременная мясорубка для живой силы и боевой техники противника, и это может иметь даже стратегическое влияние на ход всего немецкого наступления в Белоруссии...

Что ж, Павлов, когда прислал свой пакет с информацией напрямую в Кремль, опять угадал, везучий стервец, – окончательное решение по организации Белостокского оборонительного района и сопутствующим назначениям все равно принимать мне, и делать это надо срочно, прямо на сегодняшнем совещании в Наркомате обороны. С другой стороны, похоже, самая свежая информация о положении дел на Западном фронте сейчас именно у меня, и тогда поездка ни в Наркомат, ни в Генштаб никаких новых сведений не принесет, тогда, пожалуй, лучше собрать этих растерянных военных здесь, в Кремле, и прямо здесь провести заседание Ставки Главного командования. Интересно будет посмотреть на выражения лиц этих горе-военных, когда они от меня узнают самые свежие данные по текущему положению дел в Белоруссии, и еще интересней будет послушать мнение председателя Ставки ГК по вопросу создания оборонительного района в тылу противника...

А вообще, пора этот балаган с председательством Тимошенко прекращать – не тянет он руководство Ставкой. Так что придется, пожалуй, мне и тут впрягаться, на себя руководство брать. Наверное, сегодня все и по этому вопросу решим... Интересно, как эту реорганизацию воспримут наши военные... тупоголовые ослы!..

Вот только внезапные и необъяснимые перемены в действиях самого Павлова... Нет, резкое изменение истерического поведения и превращение его в прежнего, решительного и настойчивого командира это, безусловно, очень хорошо. Снова собран, ни следа паники, решительность сквозит в каждом предложении. Но что к этому привело, что изменилось, ведь обстановка, с его же слов, отнюдь не располагает к приливам оптимизма? Будто подменили его. Да и сама ситуация перехода панического отступления в круговую оборону, неожиданную и не предусмотренную никакими довоенными планами, при всех положительных замечаниях Шапошникова, выглядит малопонятной...

Опять же, нынешний руководитель оборонительного района – не командарм, которых в том районе ТВД у Павлова было целых три, а всего лишь командир механизированного корпуса, который, пусть он и грамотный, способный генерал, но танкист, и оборона – это вовсе не его конек. Тогда возникает закономерный вопрос: где находятся и чем занимаются тамошние командармы?..

Словом, много необъяснимого и непонятного получается, а объяснение, если воспользоваться «бритвой Оккама» и не преумножать сущности сверх необходимого, получается только одно – что-то там у них случилось, в Белоруссии, что-то, что и вызвало как резкие изменения в поведении самого Павлова, так и возникновение новых, совершенно неожиданных планов ведения боевых действий.

А вот для того, чтобы выяснить, что именно у них там случилось, одного товарища Василевского, пожалуй, будет маловато...»

Сталин постоял еще немного, потом вернулся за свой стол, еще раз перечитал донесение Павлова, окончательно раскладывая в голове порядок своих действий, и снова поднял телефонную трубку.

– Товарищ Поскребышев, вызовите ко мне товарища Берию...

Глава 3

Генеральный комиссар государственной безопасности Лаврентий Павлович Берия, выйдя почти в час ночи из кабинета Сталина, попрощался с Молотовым и Микояном, но направился не домой, а на Лубянку, в свой рабочий кабинет – он никогда не уезжал домой до тех пор, пока Хозяин работал, и потому всегда был готов ясно и четко ответить на любой вопрос Сталина по телефону или быстро прибыть в Кремль по его вызову.

Этой полезной привычке он следовал уже почти три года – еще с августа 1938-го, когда Сталин сначала назначил его на должность начальника Главного управления государственной безопасности НКВД СССР, а чуть позже, в ноябре того же года, выдвинул на пост народного комиссара внутренних дел СССР.

Впрочем, справедливости ради необходимо отметить, что этой привычке следовал не он один. А все потому, что сам Сталин, который и до войны-то, в мирное время, часто и много работал ночами, сейчас и подавно, ежедневно трудился по шестнадцать и более часов в сутки, захватывая ночь до трех-четырех утра, а потом короткий отдых, и снова за работу. При этом в случае надобности получить дополнительную информацию или срочно решить вопрос Сталин частенько мог запросить «ответственного товарища» по телефону и даже вызвать к себе в кабинет. И если «ответственный товарищ» оказывался вдруг не совсем «ответственным» – заспанным голосом мямлил по телефону не конкретику, а какую-нибудь чушь или, того хуже, был пьяно-расслаблен после «долгого трудового дня», то, как известно, «такие товарищи – нам не товарищи».

Поэтому вся высшая номенклатура тоже не спала по ночам, а ближний круг подчиненных высокого уровня и вовсе старался работать и отдыхать в соответствии с графиком работы и отдыха Вождя.

С другой стороны, даже если бы это было не так, то именно сегодняшней ночью, после вечернего совещания в кабинете Сталина, ехать домой отдыхать Берия если и собирался, то далеко не сразу: слишком много неотложных вопросов нужно было рассмотреть до утра. Да и вечернее настроение Хозяина отнюдь не располагало к спокойному сну.

Берия откинулся в кресле и, прихлебывая крепкий чай, невольно поежился, вспоминая, как Сталин, мрачный и явно очень сердитый, еле удерживаясь от перехода на откровенную матерщину, грубо «полоскал» на совещании Тимошенко и Жукова, так и не добившись от них внятных пояснений по обстановке на фронтах. Нет, все в окружении Сталина прекрасно знали, что в гневе Хозяин крут и выражений особо не выбирает, но такого возмущения и яростной злобы в поведении Сталина Берия еще не видел – похоже, допекли его «вуенные» своей некомпетентностью. Впрочем, почему похоже – Берия ведь сам, собственными ушами слышал тот бред, что они несли о потере управления войсками, о перебоях со связью, о трудностях и сложностях, бл... едная поганка, и это высший комсостав, военные руководители страны. Попробовал бы кто-нибудь из подчиненных самого Берии, вместо выполнения поставленной задачи, вот так блять о своих трудностях... Правильно Хозяин в конце сказал: тупоголовые ослы и есть...

Сам Берия начальственного разноса избежал – по имеющейся, пусть и отрывочной, информации, подразделения пограничных войск и оперативных частей НКВД с первых дней войны проявили себя наилучшим образом, героически сражаясь с многократно превосходящими силами противника и часто погибая при этом полностью, до последнего бойца, но никогда не сдаваясь и не отступая без приказа. Сталин, кстати, в своих претензиях к военным это тоже упомянул им в упрек, а сам Берия, не показывая этого на совещании, крепко задумался.

Да, и отбор, и подготовка, и оснащение в – войсках НКВД были на совсем другом уровне, чем в Красной армии, но только ли в этом причина их героической стойкости?.. Может, стоит поглубже изучить эти факты боевой стойкости, для возможного распространения положительного опыта в войсках РККА?

Вернувшись после совещания к себе на Лубянку и быстро рассмотрев особо неотложные дела, Берия запросил материалы по боевой деятельности пограничных и оперативных войск НКВД, а также статистику по соотношению их численности и потерь личного состава относительно численности и потерь противника. И неожиданно увлекся вопросом до самого утра – в первом приближении получалось, что сама по себе численность войск сторон в боестолкновении далеко не всегда была определяющей...

Берия снова откинулся в кресле и отпил чаю, основательно задумавшись. Сам он был не военный, но еще до войны, неоднократно присутствуя на совещаниях, где обсуждались вопросы строительства Вооруженных сил Советской страны, постоянно слышал от военных высокого ранга про «соотношение потерь три к одному» и про необходимость поэтому иметь «всего и побольше».

Получается, сама по себе численность не так важна, как другие факторы? А тогда какие именно факторы наиболее важные? И почему военные до войны упирали именно на увеличение численности всего – пехоты, танков, самолетов?.. Получается, ошибка... или умысел? А если все же умысел – тогда чей конкретно умысел?..

Вильнувшие чуть в сторону размышления Берии прервала неожиданная и оттого еще более резкая трель телефонного звонка – Поскребышев срочно вызывал его к Сталину.

В Кремль нарком НКВД ехал с тяжелым сердцем – учитывая вечернее настроение Хозяина, этот неожиданный повторный вызов на рассвете не сулил ничего хорошего. Что там такое могло случиться под утро? Может, что-то неладно по линии его наркомата? Так оперативный дежурный ни о чем таком не докладывал... И вряд ли это что-то хорошее – тогда Хозяин не спешил бы так с вызовом. Похоже, надо готовиться к разносу... Ну, если происшествие по линии НКВД-НКГБ и его подчиненные не успели вовремя доложить, кто-то уже прямо сегодня очень сильно об этом пожалеет...

Однако Сталин, вопреки тревожным ожиданиям, встретил Берия в хорошем настроении, от вечернего раздражения не осталось и следа.

– А, Лаврентий, – чуть усмехнулся в усы Вождь. – Что, не спится тебе, раз в такую рань прискакал? – Сталин прекрасно помнил, что Берия «прискакал» именно по его вызову, но все же не отказал себе в удовольствии немного пошутить.

– Ну, раз уж примчался ни свет ни заря – тогда проходи, садись... Вон туда садись, за стол: говорить будем, долго говорить, много важного обсудить с тобой хочу...

«Кажется, пронесло, и разноса не будет», – с облегчением чуть расслабился Берия, которого и немудреная шутка, и обращение на «ты», по имени, только порадовали: Сталин так разговаривал с ним нечасто и только тогда, когда сам был добродушен или чем-то доволен.

Берия устроился за столом для совещаний, на всякий случай открыл свой блокнот для записей и приготовился внимать словам Вождя.

Сталин, чуть усмехаясь в усы, дождался, пока его ближайший помощник в нелегком деле руководства партийной номенклатурой устроится за длинным, вдоль всей стены, столом для совещаний на указанном ему стуле, потом поднялся из-за своего, небольшого стола в углу кабинета, возле окна, и начал прохаживаться по ковровой дорожке, находясь за спиной Берии, – помимо облегчения для больных ног любил он во время совещаний прогуливаться вот так, за спиной подчиненных, заставляя тех изрядно нервничать, не видя его реакции на свои доклады.

– Ну, что можно сказать, Лаврентий. Ты вчера вечером и сам видел, что наши... «военные» снова обоср... обделались, и достоверных данных по обстановке на фронтах у них до сих

пор нет, а вот у меня такие данные – самые свежие и достоверные – теперь есть... вот как получается. Пусть не по всем фронтам, но на самом важном сейчас – на западном – направлении обстановка и замыслы немецкого командования в масштабах Белоруссии теперь прояснились.

Там, как ты знаешь, ситуация сложилась очень тяжелая, близкая к катастрофической... Так я думал еще несколько часов назад. Но потом мне от Павлова, напрямую и минуя наших «вожак» в Генштабе и Наркомате обороны, поступили новые сведения... Да, сведения. Я тебе чуть позже дам ознакомиться, в части, касающейся... И пусть общая обстановка там совсем не радует – Минск, скорее всего, рано или поздно придется оставить, а наши войска отводить на линию Витебск – Могилев, – но хоть какая-то определенность лучше того невнятного бляения, которое только и могут сейчас издавать наши... великие военные стратеги, мать их так...

Впрочем, я тебя вызвал в такую рань не для того, чтобы эти плохие новости обсудить – их мы сегодня будем обсуждать вечером, на заседании Ставки Главного командования, которое проведем здесь, у меня. Ты, как постоянный советник Ставки, в заседании тоже участвуешь и к тому же будешь докладывать по вопросам по твоей линии, а вызвал я тебя сейчас, чтобы ты к вечеру успел подготовиться. И вопросы твои будут вот какие...

«Нет, все-таки Хозяин – он и есть Хозяин», – с благодарностью думал Берия на обратной дороге из Кремля на Лубянку. Когда заслужил, отпи... отполоснет за милую душу, как говорится, во все пихательные и дыхательные, да так, что сам себя потом чувствуешь, как последний придурок, тупой и некомпетентный. А когда работаешь добросовестно, стараешься все сделать как лучше, он это и видит, и ценит, и со своей стороны помогает. Вот как сейчас – про новости из Белоруссии он мог бы и промолчать, а вечером, на совещании, спросить... и отполоскать потом, от души, прямо на совещании, в присутствии остальных, за отсутствие готовых, четких и конкретных предложений по заданным вопросам. И был бы со всех сторон прав. Как ни крути, а вопросы по линии НКВД-НКГБ, это его, и только его, Берии, компетенция, и если вдруг не готов сразу ответить и конкретные решения предложить, потому что сами вопросы неожиданные и непредвиденные, так кто тебе в том виноват?..

Но Хозяин поступил иначе – вызвал заранее, не только вопросы к совещанию озвучил, дав тем самым возможность заблаговременно подготовиться, но потом еще и намекнул, что и как он, генеральный комиссар государственной безопасности, по этим вопросам, в числе прочего, сделать должен и что по ним же на вечернем совещании Ставки ГК говорить, когда спросят... И еще намекнул, чего Берия по этим вопросам ни делать, ни говорить не должен, а это дорогого стоит, не каждому Хозяин так вот... намекает.

Ну, а уж он и доверие, и хорошее отношение Хозяина сегодня вечером оправдывает со всем старанием, что называется, со всей душой... Вот только для этого надо, в первую очередь, самому во всем хорошенько разобраться...»

Поднявшись в свой кабинет, Берия приказал дежурному организовать чаю и чего-нибудь пожевать, ведь домой он сегодня снова, если и попадет, так только глубокой ночью, да и то вряд ли. А сам разложил на столе доставленные из архива предвоенные материалы по Западному военному округу и принялся обдумывать свои действия, попутно набрасывая тезисы к предстоящему совещанию.

«...Итак, неожиданная ситуация в Белоруссии... Оборону они там, в тылу наступающего противника, строить удумали... Говнюки, лучше бы от границы, где какие-никакие, но оборонительные сооружения уже имелись, не так усердно бежали... То есть на заранее подготовленных, пусть и не до конца, оборонительных рубежах линии Молотова они противника остановить не смогли, а теперь, в суматохе и неразберихе отступления, в условиях потери управления войсками и, самое существенное, в условиях окружения решили на пустом месте оборонительный укрепрайон создавать, войска туда стягивают. И кто там только удумал такой... нетриви-

альный тактический изыск... Да, прав Хозяин, вот прямо чутье у него, – в Минске и Белостоке действительно что-то серьезное и непредвиденное произошло... Впрочем, все тактические вопросы, как и целесообразность построения обороны в окружении, – это все к военным, не зря же Сталин туда Василевского в качестве представителя Ставки Главного командования направить хочет. Вот пусть сами военные в них и разбираются и сами же потом отвечают за свои решения перед Хозяином.

А моя задача – как раз выяснить, что у них там, в Белоруссии, конкретно произошло, почему оборону строить хотят именно под Белостоком, хотя под тем же Минском было бы, наверное, и логичней, и полезней, ну, и все остальные непонятные моменты, связанные с этой ситуацией. Причем выяснить очень аккуратно, тихо, никакого давления и никаких выбиваний показаний в стиле ежовских репрессий. Об этом Сталин предупредил особо.

И при этом нельзя допустить никакой огласки – даже на совещании сегодня вопросы отправки туда сотрудников его наркомата нужно будет залегендировать только под необходимость организации (и последующего контроля) эффективной системы работы органов и подразделений НКВД-НКГБ на территории вновь создаваемого оборонительного района, а также координации их действий с действиями военных и партийных органов. Вот тут, скорее всего, начнутся вопросы с мест от участников совещания, и это надо расписать более подробно.

Первое и самое важное – тут Хозяин, снова и как всегда, прав – это скорейшая организация партизанского движения на оккупированной части территории Белоруссии. Этот вопрос больше в компетенции партийных органов республики, как и вопросы организации коммунистического подполья. Но вот вопросы координации взаимодействия, совместной боевой деятельности партизан, армии и подполья – это вопросы именно моего наркомата: ни у кого другого ни возможностей, ни опыта организации такого взаимодействия нет.

И, разумеется, организовывать это взаимодействие там, в Белостоке, будет гораздо проще и легче, чем из Москвы, тем более что для этого можно будет задействовать часть ресурсов, уже собранных тамошними военными. Да и командиров с комиссарами для вновь создаваемых партизанских отрядов тогда можно будет не тащить за линию фронта самолетами, а подбирать прямо там, на месте, и самолетами тогда можно будет перебрасывать больше ресурсов снабжения, потому что везти груз в небольших тюках для сброса его на парашютах где-нибудь в лесу и лететь с полной возможной загрузкой, чтобы спокойно сесть и разгрузиться на аэродроме, это, как говорят в Одессе, две большие разницы, таки да».

Берия оторвался от записей, заглянул в свой блокнот, где он, по ходу разговора со Сталиным, скорописью помечал наиболее важные моменты, и дописал для себя, что уже сегодня, желательно до совещания, связаться с руководителем ЦК Компартии Белоруссии Пономаренко, чтобы обговорить с ним вопросы партизанского движения и получить контакты тех его сотрудников, кто занимался этими вопросами непосредственно.

Далее – организация диверсионной работы. Это вопрос прежде всего к военным, у них в армии специальные диверсионные подразделения начали создаваться еще в 1934 году, те самые саперно-маскировочные взводы, и потом профессиональные армейские диверсанты очень неплохо показали свою результативность во время Гражданской войны в Испании – один Старинов чего стоит.

Так вот, диверсионную работу, опять же, гораздо легче и эффективнее будет организовать на операционной базе войск Белостокского оборонительного района, но при этом сами военные, без координации с партизанами и подпольем, будут действовать менее эффективно.

Вот, к примеру, только в архивах НКВД можно будет найти информацию по расселению в приграничных областях западной границы бойцов диверсионных подразделений, вроде как «уволненных в запас», потому что именно его наркомат, в режиме строгой секретности, занимался их последующим трудоустройством, перевозкой на новое место жительства их семей и выделением жилья, а также последующим сопровождением их второй, засекреченной, жизни.

И только сотрудники его наркомата смогут установить полноценные контакты с кадрами и агентурой НКВД-НКГБ на местах, в том числе по линии армейских особых отделов.

Так что от взаимодействия и совместной работы по этому направлению опять же только польза всем будет.

«Кстати о совместной работе, – сделал себе пометку Берия, – надо будет узнать, где сейчас Старинов, и привлечь его к диверсионной работе в Белостоке со стороны военных, пусть мои на него поближе посмотрят, а там, может, и в нашу структуру его получится забрать».

Теперь – организация борьбы с полевыми шпионами и диверсантами противника. Вот это вопрос преимущественно в ведении НКВД-НКГБ, но и тут от взаимодействия с военными, партизанами и подпольщиками польза немалая может быть. Надо только это самое взаимодействие организовать.

Ну, и последний вопрос: организация физической охраны направляемого в тыл противника Василевского, как представителя Ставки Главного командования и секретносителя высокого уровня.

Тут Берия опять восхищенно причмокнул: Хозяин снова мудрость проявил, сам он, скорее всего, не додумался бы из Москвы группу охраны посылать, вместо этого просто дал бы команду все организовать на месте. А так, когда охрана из Москвы, тем легче будет добавить в состав посылаемой группы нужных сотрудников, которые на месте займутся не совсем охраной, точнее, совсем не охраной... И отчитываться никому не надо, потому что охрана секретносителей высокого уровня, это как раз его наркомата дела, как и что там будет организовано – никому про то знать не положено, поэтому на совещании только сам факт выделения Василевскому охраны упомянуть, и хватит с них.

«Ну, вроде все – в смысле, для озвучивания и обсуждения на совещании все, – и, кстати, все направления деятельности реальные, не для галочки и не для легенды, мои сотрудники, направленные в Белосток, будут по всем этим вопросам выкладываться серьезно, с полной отдачей сил и способностей».

Стоп!.. Нет, не все, остался еще один вопрос, который Сталин собирается поднять на совещании сегодня вечером, – вопрос реформы Ставки Главного командования ввиду неэффективности ее работы.

Тимошенко с поста председателя он хочет сместить – не тянет нарком обороны руководство чрезвычайным органом высшего военного управления... Да он, если говорить объективно, и руководство Наркоматом обороны не сильно тянет, особенно сейчас, в первые дни войны, в условиях неразберихи и паники в войсках. Функции председателя Сталин на себя хочет взвалить. Вот же человек, настоящий Вождь, от других требует много, но и сам, если что, впрягается и тащит все новые и новые обязанности, не жалуясь на усталость и загруженность. Кузнецова еще хочет из состава SGK вывести. Как выяснилось, нарком ВМФ там не очень-то и нужен, пусть лучше делами флота плотнее займется. А вместо Кузнецова маршала Шапошникова в состав постоянных членов Ставки ввести хочет – пока заочно, тот еще болеет.

А мне сегодня был легкий намек – его сегодня и при обсуждении вопросов реформирования Ставки поддержать. Не проблема, конечно поддержу. Надо будет только материалы на Тимошенко, по нашей линии, перед совещанием в памяти освежить».

После короткого перерыва на обед здесь же, в кабинете, Берия снова вернулся к делам.

«...Ну вот, теперь по вопросам вечернего совещания Ставки ГК точно все, а дальше, – Берия отложил свои записи в сторону, – дальше начинается секретная разведывательная работа по отдельному поручению Сталина».

Ему предстояло выяснить причины и обстоятельства всех непонятных моментов и в поведении Павлова, и в организации обороны отчего-то именно в тылу противника. Причем в ходе выяснения, попутно, может, и еще что непонятное, интересное всплывет – это тоже не пропустить.

«Вот, кстати о попутном, – очень интересно мне знать, почему про эти самые резкие изменения планов действий войск Западного фронта до сих пор никакой информации по линии особых отделов не поступило? Или тамошние особисты в сложной боевой обстановке совсем уже мышей не ловят, или... Это «или» тоже надо будет аккуратно разведать...

И человек для выполнения этой задачи нужен особый, не только абсолютно доверенный, но и грамотный в конспиративной и разведработе, при этом самостоятельный, инициативный, но в то же время без дурного гонора, понимающий тонкость момента и вредность излишней огласки и способный при этом грамотно организовать, совместить такие разнонаправленные действия, как разведка, диверсии и партизанское движение в тылу противника... да еще организация охраны самого Василевского и, желательно, всей его группы – такого непросто подобрать будет».

Берия откинулся в кресле, задумчиво перебирая в уме кандидатуры сотрудников Главного управления госбезопасности, которые, хоть и выведены сейчас в отдельный наркомат (НКГБ), под управление его бывшего первого заместителя Меркулова, но по факту все равно подчиняются ему, как куратору нового наркомата.

«Так, кто у нас там есть, из подходящих и компетентных?..

Начальник контрразведывательного отдела ГУГБ НКВД Федотов Петр Васильевич... пожалуй, не годится. Его без присмотра отправь, так он в Белостоке еще одну «мельницу» по типу Маньчжурского пограничного полицейского поста организует, ничем не подкрепленные признания в шпионаже и предательстве выбивать начнет...

Начальник особого отдела ГУГБ НКВД Михеев Анатолий Николаевич... Этот неплох, имеет инженерно-саперную подготовку и боевой опыт Советско-финской войны... Хорошо проявил себя в военной контрразведке, но он сейчас у военных, начальник 3-го Управления Наркомата обороны, и дергать его оттуда, да еще старшим группы НКВД-НКГБ... Со стороны выглядеть будет не очень, как будто у нас своих специалистов такого уровня нет.

Контрразведка, военная контрразведка... Там пока с нужными кандидатурами плохо. А что у нас с разведкой?..

Начальник иностранного отдела (заграничная разведка) ГУГБ НКВД Фитин Павел Михайлович... Он хорош как руководитель и организатор, но при этом чистый аппаратчик, «на холоде» не работал... Не пойдет...

А вот его заместитель, Судоплатов, – вот он хорош!..»

Берия, в предчувствии удачи, вскочил, пробежался по кабинету, разминая затекшие ноги, потом снова сел и углубился в чтение личного дела Судоплатова, срочно доставленного по его приказу.

«...Итак, Судоплатов Павел Анатольевич: профессиональный чекист с почти двадцатилетним стажем работы в органах. Имеет большой опыт нелегальной работы за границей, в том числе в Германии. Решителен, смел, в то же время обладает развитым аналитическим мышлением. Имеет хорошие способности как вербовки агентуры, так и глубокого внедрения в военные и разведывательные структуры противника. В частности, перед войной ему удалось успешно внедриться в ближайшее окружение руководства организации украинских националистов за границей, в Германии, после чего он провел успешную ликвидацию лидера националистов Коновальца, при этом успешно скрылся, избежав провала.

Потом занимался вопросами организации разведывательной и агентурно-оперативной работы за границей, дорос до должности заместителя начальника 5-го отдела (заграничная разведка) ГУГБ НКВД СССР. При этом, помимо личных способностей разведчика и ликвидатора, также проявил себя как способный организатор – в августе 1940 года руководил операцией «Утка» (ликвидация Троцкого).

Сейчас он заместитель начальника 1-го (разведывательного) управления НКГБ СССР (начальник все тот же Фитин), майор государственной безопасности, что приравнивается к

армейскому комбригу, так что ему и звания, и статуса для выполнения задания вполне – хватит...

Да, пожалуй, Судоплатов в качестве руководителя сводной, или особой, группы сотрудников НКВД-НКГБ по организации партизанского движения и диверсионной работы вполне подойдет», – окончательно решил для себя Берия и через Меркулова срочно вызвал того к себе.

Сам вернулся к текущим делам, но почти сразу снова прервался, возбужденно вскочил и, по примеру Иосифа Виссарионовича, пробежался по кабинету, обдумывая только что озарившую его мысль.

«А почему только Белоруссия? Ведь идея централизованной организации разведывательно-диверсионной работы и партизанской войны в тылу противника, причем на всей захваченной территории и под общим руководством НКВД, сама по себе, даже безотносительно к ситуации оборонительного района в окрестностях Белостока, очень даже недурственна! Возможно, для выполнения этих задач имеет смысл создать в структуре НКВД постоянную группу или отдел, по крайней мере, на время войны?»

Впрочем, гнать лошадей и пороть горячку не стоит, по крайней мере, сегодня на совещании об этом говорить точно преждевременно – нужно хорошенько все продумать, прикинуть потребные ресурсы, да и посмотреть заодно, как оно пойдет у Судоплатова в Белоруссии...»

Размышления Берии прервал звонок из приемной: прибыл Судоплатов.

– Разрешите войти, товарищ генеральный комиссар?

– Входите, товарищ Судоплатов, присаживайтесь. Для вас, учитывая ваши способности и профессиональные навыки, есть срочное и секретное задание особой важности...

Глава 4

Командующий Белостокским оборонительным укрепрайоном генерал-майор Хацкилевич отложил утреннюю сводку боевых действий и потер пальцев уставшие, воспаленные от напряжения и длительного недосыпа глаза. Все последние дни он спал по три-четыре часа в сутки, но времени все равно катастрофически не хватало. С тех пор как он принял на себя тяжесть командных полномочий по сбору отступающих от границы войск и организации Белостокского оборонительного района, вихрь событий и проблем почти постоянно захлестывал его с головой, как пловца, случайно оказавшегося в штормовом море. И чтобы не захлебнуться под этими постоянно накатывающими валами проблем, ему приходилось прилагать запредельные, нечеловеческие усилия, ежечасно осмысливая поступающую информацию, рассматривая варианты реагирования на действия и угрозы со стороны немецких войск, а потом... снова прилагать титанические усилия, чтобы обеспечить выполнение этих решений.

При этом нельзя сказать, что напрягается он понапрасну, и все его усилия впустую: Хацкилевич ясно видел, как с каждым днем, с каждым часом обретает реальные очертания идея создания оборонительного плацдарма в тылу противника. И тому, помимо его усилий, есть два важных и очень значимых обстоятельства.

Первое и самое важное обстоятельство, которое, собственно, и обусловило идею лейтенанта Иванова отводить 6-й мехкорпус генерала Хацкилевича именно сюда, а потом сюда же собирать по окрестностям отступающие советские войска и ресурсы, заключается в том, что немцы в направлении Белостока пока не дают. Воюют, конечно, атакуют то там, то здесь, но совсем не так интенсивно и жестко, как в первые дни приграничных боев. И это в принципе объяснимо: как растолковал тогда, на первом совещании, сам Иванов, они сейчас все свои лучшие силы и средства, всю бронетехнику и авиацию сосредоточили под Минском, где стараются как можно быстрее проломить оборону и взять не просто город, но столицу, сердце Белоруссии. А здесь они планируют котел и пока особо не наседают, чтобы спокойно собрать тут всех в кучу, а потом методично, с истинно немецкой педантичностью, подавить все попытки сопротивления и перевести оставшихся в живых в категорию военнопленных, для последующего рабского труда на благо их рейха.

«Они же не знают, что совсем скоро их здесь встретят не растерянные, голодные и оборванные люди, надломленные чувством бессилия от неожиданных поражений, а сытые, отдохнувшие, переформированные, полностью вооруженные и снаряженные по довоенным штатам войска, готовые яростно воевать и дорого продать свои жизни в оборонительных боях на подготовленных позициях...» – чуть усмехнулся Хацкилевич, вспомнив, что в устах лейтенанта Иванова эта фраза звучала не в пример красочнее и длиннее, поскольку была в изобилии дополнена ненормативной лексикой в адрес «ублюдочных тупых фрицев».

Второе обстоятельство менее наглядно, но не менее важно, и заключается в географических особенностях местного театра военных действий, сложного для наступления противника и крайне благоприятного для обороны. Густые и обширные леса, изобилие рек и мелких речушек, болота и слабые грунты, сложные для техники, слабо развитая сеть дорог с улучшенным покрытием (хотя бы щебеночным), которые легко перекрывать или превратить в непригодные для движения тяжелой техники, – все это, как выразился тот же Иванов: «Сладкий сон для специалиста по тактике оборонительных действий».

Вот и стекаются сюда, частично сами, частично найденные высланными во все стороны разведгруппами, разрозненные остатки 3-й, 4-й и 10-й армий Белостокского выступа, еще не полностью разбитые и рассеянные, еще с вооружением, частично с артиллерией, изредка даже с транспортом и какой-никакой броней, а расположенные в Белостоке и найденные поблизости от него ресурсы, своевременно взятые под контроль, с избытком позволяют эти части пере-

формировать, обеспечить пищевое и вещевое довольствие, а также оснастить всем необходимым вооружением по довоенным штатам. Причем этих ресурсов, даже с учетом того, что они пока найдены и освоены далеко не все, по самым скромным подсчетам хватит еще на десяток полнокровных дивизий довоенного штата и оснащения – они ведь перед войной и размещались здесь именно для того, чтобы использоваться при оснащении новых дивизий 3-го эшелона из мобилизованных резервистов, ехавших сюда со всей страны налегке.

Особенно ярко и наглядно это видно на примере его, можно сказать, родного, 6-го механизированного корпуса, поскольку довоенные материальные запасы и инженерно-ремонтные мощности Белостока словно специально были предназначены для быстрого и качественного восстановления любой бронетехники.

Окружной автобронетанковый склад с обилием запасных частей и даже агрегатов в сборе, две полностью оснащенные оборудованием и квалифицированным персоналом автобронетанковые мастерские: большая стационарная, гарнизонного уровня, и подвижная, способная восстанавливать технику и транспорт в непосредственной близости к местам боевых действий, – всего этого оказалось, как говорят математики, «необходимо и достаточно», чтобы в короткие сроки полностью восстановить: более трехсот танков (из них не менее ста двадцати Т-34, остальные легкие и малые); более ста броневиков (из них не менее половины новейшие пушечные БА-10М); более ста тракторов и тягачей (в том числе более двадцати средних арт-тягачей «Коминтерн», способных буксировать практически любую тяжелую артиллерию, и не менее десяти тяжелых арт-тягачей «Ворошиловец», способных буксировать любые танки вплоть до Т-35 и КВ); более восьмисот автомобилей (в основном грузовых); более двухсот мотоциклов.

Казалось бы, жалкие остатки от довоенного количества, когда в распоряжении мехкорпуса (самого оснащенного из всех мехкорпусов, размещенных на Белостокском выступе) одних только автомобилей было почти пять тысяч, но в нынешних условиях этого количества грузовиков и тракторов вполне хватает для продолжения сбора ресурсов (и особо артиллерии, которую без тракторов собирать было очень тягостно), а бронетехники достаточно, чтобы контролировать все значимые дороги в качестве подвижных броневых заслонов и танковых засад, попутно проводя мотоциклетную разведку. И это при том, что восстановлено еще далеко не все и далеко не все еще найдено...

Кстати говоря, результаты последующего боевого применения восстановленной бронетехники, они, можно сказать, оказались превосходными. Если бы Хацкилевич лично подробные боевые донесения не читал и потом выборочно не проверял – не поверил бы. И все потому, что он после разговоров с лейтенантом Ивановым в приказном порядке внес изменения и дополнения в тактику танкового боя, определив основным боевым приемом действия в обороне, а наступательный или встречный бой – только по особому приказу.

После этого массовое использование танков и бронемашин в обороне, из заранее подготовленных окопов, когда противнику видна только башня, да если еще и внезапно, из засад, с маскировкой, не только в разы уменьшило собственные боевые потери, но и значительно увеличило эффективность поражения боевой техники и живой силы противника. Да и собственные потери... попадания теперь идут в основном в башню, и то, если не рикошет, а башню заварить, да еще в условиях доступности ремонтных мощностей профильных мастерских, левое дело, – это не разбитый мотор восстанавливать или ходовую часть заново собирать.

Если же неожиданные обстоятельства – а на войне неожиданности скорее правило, чем исключения – вынуждали все же вступать и вести бой без подготовки, без окопов и засад, тогда уменьшению потерь от огня противника очень способствовала внедренная также по опыту будущего обязательная камуфляжная окраска всей боевой техники, вплоть до артиллерийских орудий, и всего транспорта – благо в Белостоке, с его развитым лакокрасочным производством, подобрать краски для простейшего трехцветного камуфляжа в требуемых объемах не составляет никакой проблемы.

Но счастье, как известно, никогда не бывает полным, и все эти благоприятные обстоятельства, все хорошие новости, как оно почти всегда и бывает, с лихвой перекрываются новостями и обстоятельствами негативными (отсюда, кстати, известная хохма про две новости: хорошую и плохую).

Помимо растерянности и дезорганизации, устраняемых путем отдыха и переформирования, среди личного состава наблюдаются явления паники и заразного паникерства, а эту гадость выбить из головы не так просто, особенно у молодых новобранцев, которых сейчас большинство. Быстрее всего лечится позитивным, победным боевым опытом, но его у них пока нет, а объяснять словами или личным примером... тут сразу и второе негативное обстоятельство вырисовывается, как бы ни похуже первого, а именно – слабое и зачастую недостаточно компетентное командование.

Растерянность младших и средних командиров, которые, будучи почти все без боевого навыка (а многие вообще только что из училищ), что называется, с разбегу уткнулась в опыт мощного и злого противника, и, соответственно, сразу получили пи... люлей, а теперь от этого у многих из них неуверенность в себе, в своих способностях командовать и прочие сопутствующие симптомы.

Ошеломление старшего и высшего комсостава, представители которого перед войной почивали на лаврах и мнили себя непобедимыми, и даже горький опыт Советско-финской их не отрезвили и не образумили. А теперь они в шоке и ступоре, командовать не умеют, не могут и не хотят (потому что тогда – ответственность!), вместо этого ждут руководящих указаний, но и их потом толком выполнить не могут...

Хацкилевич отчасти и сам таким был совсем недавно, но потом встретил «гостя из будущего», узнал много нового, пережил все стадии принятия неизбежного и образумился, а вот многие его подчиненные, и по мехкорпусу, и здесь, в штабе новой группировки войск, пока не прониклись, дурь свою никак не одолеют... Надо пинать и разьяснять... Особенно неприятно, когда эта дурь, вперемешку с самонадеянностью и головоунытием, из его танкистов выплескивается. Пусть нечасто, пусть кое-где, но все же...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.